

А. И. БОРОЗНЯК

«ГРУЗ ВЫСТРАДАННОГО ПРОШЛОГО»

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ*

Задача статьи — анализ малоизвестного источника по истории Сталинградской битвы — книги ее участника, немецкого философа В.Р. Байера. Указанная публикация увидела свет в 1982 г., когда в ФРГ доминировала идея о Сталинграде как символе жертвенности. Раздавались громкие голоса о необходимости «выйти из тени третьего рейха». Байер раскрыл подлинный характер широко распространенных в Германии и за ее пределами т.н. «последних писем из Сталинграда», дал критическую оценку западногерманской историографии решающего сражения Второй мировой войны.

Ключевые слова: *Сталинградская битва; философия Гегеля; исторические источники; история повседневности.*

Изменение, которое есть гибель, есть
в то же время возникновение новой жизни.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель¹

Все великое есть явление на стадии перехода.
Карл Ясперс²

...Резервный батальон 76-й пехотной дивизии вермахта прибыл в боевые порядки своего воинского соединения 18 ноября 1942 г., накануне того дня, когда началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. В составе одной из маршевых рот, состоявшей в значительной степени из бывших штрафников и «неблагонадежных», был и немолодой юрист доктор Байер, познавший, что означает карательная политика гитлеровцев. Рота медленно двигалась по мосту через Дон. Ни солдаты, ни офицеры не догадывались, что шагают напрямиком в пекло, в кольцо окружения, которое вот-вот замкнется. До контрнаступления Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов оставались считанные часы. Байер и его командир взвода, не

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00138а.

¹ *Гегель*. 1993. С. 120.

² *Ясперс*. 1991. С. 251.

сговариваясь, произнесли: *Caesar Rubiconem transgressus dixit: alea est iacta*. И Рубикон был перейден, и жребий был брошен...

Профессор Вильгельм Раймунд Байер (1902–1990) широко известен в научных кругах Европы как талантливый исследователь истории философской мысли, написавший фундаментальные труды по проблемам диалектики Гегеля³, как поборник нового прочтения трудов великого немецкого ученого, как бессменный президент международного Гегелевского общества и организатор международных Гегелевских конгрессов⁴. В 1911 г. он стал прилежным учеником Нюрнбергской гуманитарной гимназии, ректором которой в 1806–1816 гг. был Гегель. После окончания гимназии Байер изучал право в университетах Эрлангена и Ростока, а в 1924 г. защитил диссертацию. Далее последовала служба в юридических фирмах, а в 1942 г. призыв в вермахт и отправка на фронт.

* * *

В 1987 г. во франкфуртском издательстве «Athenäum» вышла его небольшая книга «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна»⁵ — неожиданный для читателей текст, который автор вынашивал больше четырех десятилетий.

Жанр публикации Байера едва ли поддается определению. Сгусток личных впечатлений солдата, оказавшегося в эпицентре мировой истории и пережившего трагедию окруженной армии? Эссе о научном творчестве Гегеля и проблемах современной философии — как же иначе назвать трактат, где соседствуют имена Сократа, Эразма, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Хайдеггера и Хабермаса? Суждения публициста о проблемах войны и мира в конце 80-х годов XX века? Профессиональный анализ источников по истории сражения на Волге? Беспощадный критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о Сталинградской битве? Очерк массовой психологии в пороговой ситуации между жизнью и смертью? Этюд о методологической значимости инструментариев истории повседневности? Разъять сложную амальгаму содержания книги на некие пласты вряд ли возможно.

---

³ Wilhelm Raimund Beyer. 1982.

⁴ Байер. 1974. С. 114-121.

⁵ Beyer. 1987. Выпуску книги предшествовала публикация большой статьи Байера, приуроченной к 40-летию окружения немецких войск под Сталинградом (Die Zeit. 19.XI.1982).

Духовная ситуация в ФРГ начала и середины 80-х гг. определялась тем, что вернувшиеся к власти христианские демократы поставили во главу угла необходимость «смены вех» и осуществления «неоконсервативного поворота» в политическом развитии страны. В своем первом заявлении в бундестаге канцлер Гельмут Коль заявил о необходимости «возвращения к германской истории», понимаемой исключительно в «позитивном смысле», дабы «снять с Германии вину», связанную с нацистской диктатурой⁶. Лидер Христианско-социального союза Франц Йозеф Штраус утверждал: «Вечное преодоление прошлого, длительное покаяние — все это парализует народ». Он требовал «выйти, наконец-то, из тени третьего рейха»⁷. Типичной была тирада, прозвучавшая в полувековую годовщину нацистского государственного переворота со страниц консервативного издания «Die Politische Meinung»: необходимо «преодолеть преодоление Гитлера, приведшее к студенческому мятежу 1968 г. и к фундаментальной переоценке ценностей»⁸.

Михаэль Штюрмер (выступавший в роли политического советника Коля) именовал ФРГ «страной без истории». Будущее, с его точки зрения, «будет принадлежать тому, кто восполнит воспоминания, сформирует понятия и истолкует прошлое». Антифашизм был причислен Штюрмером к сонму нежеланных «призраков прошлого»⁹.

Вновь и вновь раздавались призывы покончить с «неуважением к доблестным солдатам рейха», «обезвредить» самый зловещий период германской истории, сформировать картину прошлого, не отягощенную эксцессами национал-социализма, избавить соотечественников от чувств стыда и ответственности. Широкое распространение получили версии о том, что нацистские лагеря уничтожения были «результатом союзнической пропаганды». В прессе определенного сорта Гитлер выступал в амплуа строителя автобанов и ликвидатора безработицы. Такими были, цитируя Ганса Моммзена, «новые представления об истории, которые отвергали предостережения, связанные с нацистской эпохой»¹⁰.

⁶ Bulletin der Bundesregierung Nr. 93. 14.X.1982. S. 866.

⁷ Bayernkurier. 29.XI.1986.

⁸ Die Politische Meinung. 1983. H. 209. S. 17.

⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 25.IV.1986.

¹⁰ Mommsen. 1986. S. 872.

«Порой мне казалось, — сокрушался в начале 80-х гг. Лев Копелев, — что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутом в руинах Сталинграда»¹¹. Зеркалом противоречивых тенденций общественного мнения ФРГ стали результаты исследования, проведенного институтом «INFAS» в январе 1985 г. 54% опрошенных заявили, что они не хотят больше ничего слышать, видеть и читать о «третьем рейхе» и второй мировой войне, и только 34% респондентов придерживались противоположного мнения. Но более 60% участников опроса, принадлежащих к возрастной группе от 18 до 25 лет, полагали, что средства массовой информации сообщают о нацистском периоде слишком мало¹².

Книга Байера явилась реальным вкладом в дискуссию, выплеснувшуюся в 1986–1987 гг. на страницы ведущих изданий ФРГ. Содержанием дебатов, получивших тогда же название «спор историков», стала болезненная проблема национальной вины и национальной ответственности немцев за преступления «третьего рейха»¹³. Байер указывал в этой связи на «нарастающую дискуссию, связанную с оценкой нацистского периода»¹⁴.

* * *

Давая своему труду подзаголовок «Внизу, где жизнь была конкретна», Байер воспроизвел, чуть видоизменив, формулу Гегеля из «Философии права»¹⁵. Содержание книги находится «на рубеже двух сознаний»¹⁶: сознания солдата — одного из многих, обреченных на гибель своим режимом и своими командирами, и сознания умудренного годами философа, ощутившего на склоне лет потребность в осмыслении роли, которую сыграла Сталинградская битва в его личной судьбе и в судьбе его поколения.

Байер, обладавший «чутким слухом, внимательным взглядом и хорошей памятью», свидетельствует: «Тема Сталинграда никогда не

¹¹ Eine Rede und ihre Wirkung... 1986. S. 43.

¹² Die Zeit. 15.II.1985.

¹³ Черкасов. 1990.; Herbert. 2003; Die Gegenwart der Vergangenheit...; Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik. 2008.

¹⁴ Beyer. Op. cit. S. 16-17.

¹⁵ Гегель. 1990. С. 331.

¹⁶ Бахтин. 1979. С. 285.

оставляла меня — и вчера, и сегодня. Он определила и перевернула мою жизнь»¹⁷. Со страниц его исповедальных воспоминаний предстает картина мучительных передвижений 76-й дивизии, теснимой войсками Красной армии: Большенабаатовский, Вертячий, Котлубань, Большая Россошка, Гумрак, Питомник, Хлебозавод, Тракторный завод... В воспоминаниях Байера мы читаем о мыслях и поступках людей, которые находились в пограничной ситуации между жизнью и смертью, порождавшей страх физического небытия, апатию, глухое недовольство системой, смутное предвидение неизбежного краха нацистского режима.

В его памяти — каждодневная гибель однополчан, голод, болезни, вши, ощущение нарастающей безнадежности положения войск, брошенных командованием. В «котле» свирепствовала полевая жандармерия, не переставали работать военные трибуналы, вынесшие, по официальным данным, 364 смертных приговора. Байер считает эту цифру сильно заниженной¹⁸. В книгах, изданных в ФРГ, не говорится о массовом завшивлении солдат, а между тем, убежден Байер: тот, кто не упоминает о вшах, «не имеет права писать о Сталинграде»¹⁹.

Внимательного чтения заслуживает сцена празднования рождества теми, кто остался в живых в 76-й дивизии: «Вьюга. Жестокий мороз. Вши, которые, пока мы стоим по команде “смирно”, нахально гуляют не только по телу, но и по шинелям. Наш строй представляет собой каре». Рядом с генералом — дивизионный священник Йозеф Кайзер, который для солдат был примером милосердия и самоотверженности. «Я не так уж часто, — вспоминал Байер, — присутствовал на богослужениях. Но сейчас, в окружении под Сталинградом, это была настоящая служба — серьезная, человеческая, обращенная к нашей безвыходной ситуации»²⁰.

10 января 1943 года Байер был тяжело ранен и на следующий день эвакуирован с аэродрома Питомник — с последнего, могущего принять самолеты люфтваффе. Следы двух предыдущих самолетов с ранеными так и не были обнаружены... Дальше — лазареты в Люблине и в Варшаве, отпуск на родину, военные действия во Франции.

---

¹⁷ *Beyer*. Op. cit. S. 19, 59.

¹⁸ *Ibid.* S. 47.

¹⁹ *Ibid.* S. 29.

²⁰ *Ibid.* S. 49-50.

Байер рассматривает германскую историографию битвы на Волге с позиции «участника боев в Сталинграде, всю жизнь несущего на себе груз выстраданного прошлого, в котором он участвовал и которое он пережил». Он в полной мере ощущает, что на нем «в равной мере лежит ответственность как за историю, так и за образ истории»²¹. Ученый именует большую часть западногерманских работ о Сталинграде «оправдывающей литературой», «комбинацией недостоверных сведений, иллюзий и фактов». Авторы публикаций подобного рода, лишь «прикрываются именем исторической науки», нередко прямо повторяя «ложь, сфабрикованную министерством пропаганды», воспроизводя тезисы «приказной публицистики третьего рейха»²². Что же касается «сконструированных мемуаров» гитлеровских военачальников, то в них совершенно игнорируются, подчеркивал Байер, действия и мысли «тех, кто были внизу», тех, кто стал «жертвами стратегических планов»²³.

В книге Байера анализируется монография о Сталинградской битве, выпущенная в 1974 г. сотрудником Ведомства военно-исторических исследований Манфредом Керигом²⁴. На фоне других изданий книга Керига представляется достаточно объективной, но автор базировался преимущественно на тщательно-педантичном использовании т.н. «журналов военных действий» (*Kriegstagebücher*), составленных высшими офицерами 6-й армии и хранящихся в фондах Военно-исторического архива ФРГ.

Реакция Байера на односторонние методы использования указанных источников являлась крайне резкой. «Все это были, — подчеркивал он, — доклады, которые одни “начальники” передавали по радио в Германию для сведения других “начальников”, — и ничего больше <...> То, что действительно происходило “внизу, где жизнь была конкретна”, не находило никакого отражения в приказах командования»²⁵. Для Байера, пережившего битву на Волге как главное событие своей жизни, односторонность подхода Керига (закол-

²¹ Ibid. S. 59. Н. А. Бердяев писал о ситуации «приобщения своего индивидуального духа к судьбам истории» (*Бердяев*. 1970. С. 17).

²² *Beyer*. Op. cit. S. 46, 26, 12, 46, 59.

²³ Ibid. S. 34, 59, 28. Байер имел в виду прежде всего мемуары Эриха фон Манштейна (*Manstein*. 1955. Русский перевод: *Манштейн*. 1999).

²⁴ *Kehrig*. 1974.

²⁵ *Beyer*. Op. cit. S. 26, 28.

дованный круг «рассказов о рассказах о Сталинграде»²⁶) была абсолютно неприемлема. «А где же человек?», — вопрошал философ. В стороне оставались рядовые солдаты, «жертвы планов и конструкций, то самое фронтовое быдло»²⁷.

Приговором, с точки зрения Байера, служит здесь как будто известное, но часто остающееся в забвении высказывание Гегеля:

«Мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует: мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически; между прочим, мы не должны дать обмануть себя историкам-специалистам, потому что они, особенно пользующиеся значительным авторитетом немецкие историки, делают то, в чем они упрекают философов, а именно — допускают априорные вымыслы в истории»²⁸.

Освещение катастрофы вермахта с точки зрения простых солдат является, по глубокому убеждению ученого, неизменным условием «гуманистической трактовки исторических событий»²⁹. Выводы Байера гласят:

«Подлинный смысл событий в Сталинграде можно постигнуть только на основе того, что происходило “внизу”»; «История, заново формирующая человека и изменяющая его мировоззрение, может быть воспроизведена в нашем столетии, как это предвидел Гегель, только через знание (Wissen), основанное не сухом повествовании, но — на чувственном восприятии (Empfinden)»³⁰.

Байер вел скрытую полемику со специалистами, которые считали, что «история повседневности» («история снизу») являлась простым «дополнением» к изучению «структур» и «процессов»³¹. Он был солидарен с Мартином Брошатом, считавшим «историю повседневности» средством изучения «базисно-эмпирических реалий общественно-политического опыта»³². Различие в позициях двух авторов состояло в том, что для Байера, в отличие от Брошата, его установки были не исследовательской конструкцией, но — выстраданным опытом.

---

²⁶ Ibid. S. 33.

²⁷ Ibid. S. 25, 28.

²⁸ Гегель. 1993. С. 65.

²⁹ Beyer. Op. cit. S. 9.

³⁰ Ibid. S. 17, 12.

³¹ См.: Людтке. 1999. С. 86-87.

³² Broszat. 1988. S. 197. Цитируется опубликованная в указанном сборнике статья Брошата, написанная в 1982 г.

* * *

К числу несомненных заслуг Вильгельма Раймунда Байера принадлежит то, что он, продолжая традицию Лоренцо Валлы, раскрыл реальный характер широко распространенного корпуса (в ФРГ и за ее пределами) фальсифицированных текстов о Сталинграде.

В 1954 г. западногерманский издательский концерн *Bertelsmann* (перекупив права у небольшого издательства) выпустил на книжный рынок новинку, немедленно ставшую бестселлером: «Последние письма из Сталинграда»³³. В подборку вошло 39 фрагментов, многократно и обильно цитировавшихся историками и публицистами, у которых не возникало сомнений в подлинности текстов. На их основе были сняты кино- и телефильмы, написаны музыкальные сочинения. В предисловии к сборнику изложена следующая версия: из семи мешков с почтой, вывезенных из окружения «последним самолетом» и оказавшихся в Новочеркасске, по приказу командования были отобраны («в статистических целях») письма, характерные для настроений солдат и офицеров. В дальнейшем документы якобы хранились где-то на территории ГДР и были тайно переданы издателю.

Первым, кто усомнился в подлинности «последних писем» и осуществил их квалифицированный источниковедческий и археографический анализ, был Вильгельм Раймунд Байер. Его подозрения были вызваны уже нарочито запутанным происхождением «последних писем», а также отсутствием имени издателя и наименования архива. Ученого насторожили «театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат»³⁴.

Тексты относились к разным временным отрезкам и к отрезанным друг от друга районам боевых действий. Уже поэтому они не могли находиться в одной партии полевой почты. Кроме того, в январе 1943 г., когда исход сражения был предельно ясен, на самолетах, прорывавшихся сквозь систему советского зенитного огня, вывозили в немецкий тыл, разумеется, не почту, а раненых.

Письма весьма пространны, по несколько страниц. Но у солдат, свидетельствовал Байер, не было ни бумаги, ни карандашей, ни времени для сочинения длинных посланий. Нелепо выглядят церемонные

---

³³ Letzte Briefe aus Stalingrad...

³⁴ *Beyer*: Op. cit. S. 64-66.

обращения к адресатам: «ты полковник, дорогой отец», «ты жена немецкого офицера», «ты мой духовный пастырь» и т.п. В письмах не раз было сказано, что через какое-то время из окружения отойдет последний самолет. Но откуда можно было в той кошмарной обстановке всеобщей паники и неразберихи знать, какой самолет окажется последним? Один из предполагаемых авторов замечал, что он отправил домой 38 писем, что в условиях сжимавшегося кольца окружения было абсолютно невозможным. Явно вымышлена история о раненом музыканте, игравшем на пианино «на маленькой улице» в центре Сталинграда: в городе не осталось никаких «маленьких улиц» — только руины. Солдаты прекрасно знали, что каждое письмо внимательно прочитывается цензором, поэтому были невозможны то и дело встречающиеся высказывания типа «Гитлер нас предал», «Германия погибла», равно как сообщение о том, что «200 тысяч солдат сидят в дерьме» (о численности войск в котле стало известно позднее).

Авторами текстов, свидетельствовал Байер, могли быть люди, которые «находились в совсем ином мире»³⁵. Его заключение было категоричным: «последние письма» представляют собой «топорно сработанную» мистификацию — едва ли не по рецептам пресловутого Конрада Куяу — известного в ФРГ поставщика фальшивок (в том числе подложных «дневников Гитлера», публикация которых в 1974 г. вызвала шумный скандал)³⁶.

В чем же причина того, что вопрос об аутентичности «последних писем» не ставился в ФРГ в течение десятилетий? В том, очевидно, что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам общественного сознания в годы «холодной войны». Сталинград повсеместно воспринимался только как символ страданий солдат и офицеров вермахта. Катастрофа вермахта на Волге позволяла большинству западных немцев ощущать себя неким «сообществом жертв»³⁷, а ужасающая правда о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывала аллергию у подавляющего большинства граждан Федеративной Республики. На лицо было невысказанное желание уйти от вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию

---

³⁵ Ibid. S. 64.

³⁶ Ibid. S. 68.

³⁷ Franzen. 2003. S. 49.

размежевания между вермахтом и Гитлером, что становилось особенно понятным в связи с вступлением ФРГ в НАТО.

Но в 1990 г. перевод апокрифа появился на страницах солидного московского журнала «Знамя»³⁸. Об аргументах Байера публикаторы наверняка не знали. Но трудно понять, почему они не сочли нужным учесть сомнения по поводу «последних писем», высказанные в 1971 г. К. Симоновым, которого покорила фальшиво-сентиментальная интонация большинства текстов. Симонов резонно предположил, что немецкими публикаторами произведена «селекция» материалов «с односторонним прицелом». И эту «односторонность» писатель почувствовал и суть ее охарактеризовал предельно точно: убедить читателя, что «существует только трагедия немецкой армии»³⁹.

* * *

Советская историография, отмечает Байер, «по праву рассматривает 19 ноября как переломный день, как памятный день Сталинградской битвы»⁴⁰. Байер пишет, что из всех авторов текстов о Сталинграде, наиболее близок ему Василий Гроссман, который «был свидетелем сражения с самого близкого расстояния»⁴¹. Наверное, Байер является единственным немецким автором, который ссылается на сборник сталинградских репортажей Гроссмана, немецкий перевод которых был опубликован в 1946 г. в Москве⁴².

Что притягивало Байера во фронтовых очерках Гроссмана? Не только «поэтический язык», но умение — вслед за Львом Толстым — дать убедительный коллективный портрет простого русского солдата — скромного, стойкого и самоотверженного. Героем писателя ста-

³⁸ Последние письма немцев из Сталинграда...

³⁹ Симонов. 1976. С. 369-370. Письмо Симонова по этому поводу было включено в сборник публицистики, неоднократно издававшийся массовыми тиражами. Однако иллюзия подлинности «сталинградских писем» оказалась на редкость прочной. На их основе сняты кинофильмы и написаны музыкальные сочинения. В школах Японии «письма» служат пособием для изучения немецкого национального характера. Участник Сталинградской битвы, авторитетный покойный историк и публицист Лев Безыменский рассматривал эти тексты в качестве аутентичного источника (*Безыменский*. 2004. С. 245-248).

⁴⁰ *Beyer*. Op. cit. S. 25.

⁴¹ *Ibid*. S. 15.

⁴² *Grossmann*. 1946. «Эта книга, — сетует Байер, — сегодня почти неизвестна, что подтверждают мои попытки разыскать ее в крупных библиотеках на Западе и на Востоке». *Beyer*. Op. cit. S. 15.

новится «простой мужик, пехотинец»⁴³. Это характерно, в первую очередь, для напечатанного в «Красной звезде» и в «Правде» очерка «Направление главного удара» о людях 308-й сибирской дивизии полковника Леонида Гуртьева (противостоявшей — в районе Тракторного завода — 76-й дивизии вермахта).

В репортажах Гроссмана с глубоким знанием дела сказано о ситуации в окруженных немецких частях. Перед нами корреспонденция от 19 декабря 1942 г. (обратим внимание на столь характерное для русской лексики военных лет обозначение немцев — «они!»):

«Для них нет здесь солнца, нет света дня, им выдают сейчас двадцать пять-тридцать патронов на день, им приказано вести огонь лишь по атакующим войскам, их рацион ограничен ста граммами хлеба и конины. Они сидят, как заросшие шерстью дикари в каменных пещерах, и гложут конину, сидят в дымном мираже, среди развалин уничтоженного ими прекрасного города, в мертвых печах заводов <...> И пришли для них страшные дни и ночи, когда им определено встретить возмездие здесь, среди холодных развалин, во тьме, без воды, гложая конину, прячась от солнца и дневного света под жестокими звездами русской декабрьской ночи»⁴⁴.

Байер явно отдает предпочтение публикациям Василия Гроссмана перед высоко ценным им документальным романом «Сталинград» Теодора Пливье — немецкого эмигранта-антифашиста, находившегося во время войны в СССР⁴⁵. Книга Пливье была написана по горячим следам после ликвидации Сталинградского котла на основе материалов, предоставленных автору политическими органами Красной армии. Писатель мог беседовать с пленными офицерами и генералами 6-й армии, изучать штабную корреспонденцию и письма, захваченные на поле боя. В 1945–1946 гг. книга Пливье приобрела широкую известность, была издана в Восточной и Западной Германии, в Австрии, переведена на английский язык. Но затем пути автора и коммунистов круто разошлись. Пливье перебрался на Запад, написал еще несколько книг, не принесших ему популярности, и скончался в Швейцарии в 1955 г.⁴⁶. После войны Байер неоднократно виделся и беседовал с Пливье в Веймаре и Нюрнберге. Они находили немало

⁴³ Ibid. S. 34.

⁴⁴ Гроссман. 1946. С. 77-78.

⁴⁵ Plivier. 1945. Ныне это имя в Германии практически забыто.

⁴⁶ Подробнее см.: Wilde. 1965.

общего, сопоставляя свои впечатления об одних и тех же людях и местах в окрестностях Сталинграда, но — увиденных с противоположных сторон фронта. Байер упрекал Пливье за то, что его действующими лицами являлись представители высшего и среднего командного звена вермахта, но не попавшие в окружение солдаты⁴⁷.

В книге Байера содержится высокая оценка романа Гроссмана «Жизнь и судьба», проникнутая сочувствием к трагической судьбе книги и ее автора⁴⁸. В сталинградских репортажах Гроссмана обстановка в стане врага дана как бы сквозь прорезь прицела — с преобладающими чувствами ненависти и справедливой мести. В творчестве «позднего» Гроссмана к неповторимой четкости зрения добавилось глубинное постижение всемирно-исторического смысла Сталинграда, в том числе для будущего Германии и немцев: «Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, окованных, зачарованных бесчеловечностью национального государства; они касались не только почвы, но и подпочвы человеческой жизни, и именно поэтому люди не понимали и не замечали их. Этот процесс ощутить было так же трудно, как трудно ощутить работу времени. В мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью <...> Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!»⁴⁹. Результат анализа долговременных изменений травматической памяти немецких солдат совпадает у Байера с вышеприведенными выводами Гроссмана:

«Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, — свидетельствует ученый, — мы не часто думали об этом. Все это пришло позднее». Но он убежден: пребывание в котле «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло ее». И далее: тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать»⁵⁰. В людях пробуждалось человеческое начало: «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они долж-

⁴⁷ *Beyer*. Op. cit. S. 33.

⁴⁸ В 1984 г. Байер опубликовал развернутую рецензию на немецкий перевод романа Гроссмана (*Nürnberger Nachrichten*. 1./2.XI.1984).

⁴⁹ *Гроссман*. 1989. С. 550, 551.

⁵⁰ *Beyer*. Op. cit. S. 10, 12, 23.

ны были участвовать, возникала мысль: а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено все происходящее?»⁵¹.

«Победа жизни над нежизнью»... «Для простых солдат, для “фронтového быдла”, для тех, кто молчал, маршируя во тьме, Сталинград означает неотступное требование мира»⁵² — таково глубокое убеждение философа. Существовал только один путь — «путь безусловного отказа от войны, от агрессии, от захвата чужих земель <...> Это была наша цель, даже тогда, когда мысль о ней скрывалась от самих себя. Но мысль возникала вновь и вновь»⁵³.

Германская литература о Сталинграде может составить немалую по размерам библиотеку. Но труд Байера, для которого характерен неповторимый ракурс видения и постижения всемирно-исторического события, занимает в этой библиотеке особое, отдельное место. «Эта книжка небольшая» (всего-то 85 страниц!), говоря строкой Афанасия Фета, оказывается «томов премногих тяжелей». Потому что о ней, продолжая слова поэта, можно сказать: «здесь духа мощного господство»⁵⁴.

Вольфрам Ветте констатировал: в 1980-е годы подспудно зрело понимание того, что «история простых солдат Второй мировой войны до сих пор остается *terra incognita*. Солдат существует, как правило, анонимно — в списке потерь или в информации о численном составе войск»⁵⁵. Книга Байера появилась именно тогда, когда в историографии ФРГ начался энергичный поиск новых научных подходов к освещению хода и уроков Второй мировой войны. По выражению Герда Юбершера, «была распахнута дверь для осознанного рассмотрения опыта и переживаний простых солдат», и «повседневная жизнь маленького человека на войне стала предметом исследований и публикаций»⁵⁶.

---

⁵¹ Ibid. Эти слова взяли эпиграфом к труду о Сталинграде выдающиеся современные историки Герд Юбершер и Вольфрам Ветте (Stalingrad... S. 5).

⁵² Beyer. Op. cit. S. 23.

⁵³ Ibid. S. 40. Немецкий писатель и публицист Александр Клюге назвал сталинградскую трагедию «процессом обучения со смертельным исходом» (Kluge. 1973).

⁵⁴ Dem. 1986. С. 331.

⁵⁵ Wette. 1992. S. 13.

⁵⁶ Ueberschär. 1992. S. 201.

Ныне в ФРГ резко изменились пропорции между опытом поколения современников «третьего рейха» и опытом генераций, выросших после окончания войны. Память о прошлом нередко замещается достаточно приблизительными коллективными представлениями. С одной стороны, в общественном мнении утвердился антинацистский консенсус, но, с другой стороны, в Германии активизировалось стремление «нормализовать историю», оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. Мюнхенская газета «Süddeutsche Zeitung» с нескрываемой тревогой вопрошала: «Не прошла ли Федеративная Республика ту фазу извлечения уроков из собственного прошлого, которая, начиная с 80-х гг., находится под знаком немецкой вины?»⁵⁷. И все-таки вряд ли можно полагать исчерпанным «продуктивный ресурс формирования немецкой идентичности *ex negativo*»⁵⁸.

Книга Вильгельма Раймунда Байера есть духовное, политическое и научное завещание солдата и философа, приобретающее ныне особую значимость и многомерность, становясь сегодня не только напоминанием, но и предостережением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Байер В. Р. Десять международных Гегелевских конгрессов // Вопросы философии. 1974. № 7. С. 114.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 285.
- Безыменский Л. Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004. С. 245-248.
- Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1970. С. 17.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 331.
- Гроссман В. Сталинградская битва. М.: Воениздат, 1946. С. 77-78.
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 86-87.
- Маништейн Э. фон. Утраченные победы. М.: АСТ, 1999.
- Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя. 1990. № 3.
- Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М.: Советский писатель, 1976. С. 369-370.
- Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. С. 331.
- Черкасов Н. С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 251.

⁵⁷ Süddeutsche Zeitung. 29.X.2003.

⁵⁸ Kirsch. 2005. S. 67.

- Bayernkurier. 29.XI.1986.
- Beyer W. R.* Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a.M.: Athenäum, 1987.
- Broszat M.* Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. S. 197.
- Bulletin der Bundesregierung Nr. 93. 14.X.1982. S. 866.
- Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin: Röll, 1986. S. 43.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung. 25.IV.1986.
- Franzen E.* In der neuen Mitte der Erinnerung. Anmerkungen zur Funktion eines Opferdiskurses // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. H. 1. S. 49.
- Die Gegenwart der Vergangenheit. Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik. Wiesbaden: Verlag für sozialwissenschaftliche Literatur, 2008.
- Grossmann W.* Stalingrad. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1946.
- Herbert U.* Der Historikerstreit. Politische, wissenschaftliche, biographische Aspekte // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945. München: Beck, 2003.
- Kehrig M.* Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1974.
- Kirsch J.-H.* «Befreiung» und/oder «Niederlage»? Zur Konfliktgeschichte des deutschen Gedenkens an Nationalsozialismus und Zweiten Weltkrieg // 1945 — Der Krieg und seine Folgen. Kriegsende und Erinnerungspolitik in Deutschland. Berlin: Kettler, 2005. S. 67.
- Kluge A.* Lernprozesse mit tödlichem Ausgang. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973).
- Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh: Bertelsmann, 1957.
- Manstein E. von.* Verlorene Siege. Frankfurt a.M.: Athenäum, 1955.
- Mommsen H.* Suche nach der «verlorenen Geschichte» // Merkur. 1986. H. 9/10. S. 872.
- Nürnberger Nachrichten. 1./2.XI.1984.
- Plivier Th.* Stalingrad. Roman. Berlin: Aufbau, 1945.
- Die Politische Meinung. 1983. H. 209. S. 17.
- Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M.: Fischer, 1992. S. 5.
- Süddeutsche Zeitung. 29.X. 2003.
- Ueberschär G.* Die Schlacht von Stalingrad in der deutschen Historiographie // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 201.
- Wette W.* Militärgeschichte von unten. Die Perspektive des «kleinen Mannes» // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München: Piper, 1992. S. 13.
- Wilhelm Raimund Beyer. Eine Bibliographie. Wien: Europaverlag, 1982.
- Die Zeit. 15.II.1985.
- Die Zeit. 19.XI.1982.
- Борозняк Александр Иванович**, д.и.н., профессор Липецкого государственного педагогического университета; bor-33@mail.ru.